

Я - ИСТОРИКОМ РОДИЛСЯ? (Пенсионерские раздумья старого русского)

Строго говоря, родился я настолько давно, 17 марта 1952 года, что иной раз даже и самому в это не верится.

Дело было в небольшом шахтёрском городе Киселёвске Кемеровской области, в самом конце затянувшейся сверх всякой меры сибирской зимы, внезапно перевалившей в стремительную, необратимую оттепель.

Наша бедная мама от моих четырёх с лишним килограммов рывкающей младенческой плоти чуть не погибла. Трудные для неё, хотя и третьи уже по счёту роды также и мне не пошли на пользу. Рос я, вопреки здоровой крестьянской наследственности, отнюдь не богатырём, но скорее увальнем, поневоле предрасположенным к созерцательности и всякого рода отвлечённым «размышлениям».

В моей ранней детской памяти запечатлелись, прежде всего, загадочные, малопонятные шахматные фигурки и - «сокровища» из слегка покосившегося, неравномерно окрашенного фанерного шкафа.

В шкафу лежал экзотический для наших мест учебник по производству водолазных работ (с картинками!). Чуть выше красовалась объёмистая картонная шкатулка, на крышке которой по центру был наклеен выпуклый желтовато-серый диск со свастикой («фашистским знаком»), по самому верху раскинул крылья устрашающего вида гитлеровский орёл, а внизу, едва угадываясь, проглядывала накладная потускневшая надпись: «Deutschland ... er alles!».

В шкатулке хранились цветные нитки с иголками, бумаги, фотографии, плексигласовая прозрачная ручка с испачканным засохшими чернилами пером и – правительственные награды, оказывающие на детей (1942, 1947 и 1952 годов рождения) поистине магическое воздействие. Это были: мамина медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»; папина медаль «За победу над Германией» и два боевых ордена – Красной Звезды и Отечественной войны 1-й степени (со сколотой на правом верхнем луче эмалью).

Благодаря надписям на медалях я очень рано, задолго до школы, выучился читать: «НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ МЫ ПОБЕДИЛИ».

Примерно в это же время мне удалось посмотреть замечательное кино «Максим Перепелица», что и подвигло не по годам рассудительного мальчика к первому опыту собственных «умозаключений».

«Ведь если даже этот Максим на пузе проползёт (и ничего ему не будет), - размышлял я, - то уж мой-то папа на войне обязательно где-нибудь ползал, хотя бы и в разведку. И к земле он, наверное, изо всех сил прижимался, чтобы немцы ничего не заметили. Вот теперь-то я точно знаю, почему у него на медали ленточка такая грязная!».

В дальнейшем, конечно, для обескураживаемого более объективной и достоверной информацией ребёнка многое стало проясняться.

Учреждённой уже после окончательного разгрома «Тысячелетнего Рейха» медалью, отчеканенным на ней бронзовым профилем товарища Сталина, чёрно-оранжевой георгиевской ленточкой по фронтовой грязи, конечно же, никто и никогда не елозил. Просто отцу («чалдону проклятому!»), как в сердцах говаривала порой наша мама) изначально было свойственно вызывающе небрежное отношение к одежде, а заодно и ко всей прочей внешней атрибутике жизненного успеха.

«Быть, а не казаться!» - именно так, наверное, мог бы Пушкарёв Степан Алексеевич (1915-1994) сформулировать свои жизненные принципы, имей он к этому хоть чуточку больше желания и досуга. Но с пяти и до семидесяти восьми лет отец наш был постоянно занят всё какими-то исключительно важными и неотложными практическими делами. Его (во многом типичную для ровесников Октября) биографию можно весьма лаконично и выразительно обозначить односложными назывными предложениями. Ну, например: Изба. Огород. Гуси. Пашня. Тайга. Школа. Коровы. Колхоз. Горнопромышленное училище. Шахта. Техникум. РККА («У высоких берегов Амура...»). Шахта. Женитьба. Мобилизация. Пехотное училище (ускоренный выпуск). Западный фронт. ВКП (б). 2-й Белорусский фронт. Госпиталь. КУОС (курсы усовершенствования офицерского состава). Победа. Шахта. Дети. Высшие инженерные курсы. Шахта. Партийный призыв в сельское хозяйство. Директор МТС (машинно-тракторной станции). Коммунисты-фронтовики. Забота о людях. Непочтительность к бюрократии. Шахта. 30 лет подземного стажа. Пенсия. Преподавательская работа. Внуки. Последняя дача.

Репутация у нашего папы всегда и везде оставалась неизменной: «Степан Алексеевич? Да его же ведь хоть сегодня в коммунизм можно запускать!». Разумеется, детей это ко многому обязывало. И хотя отец почти никогда нас не наказывал, из уважения к нему в семье как-то не принято было ни капризничать, ни своевольничать.

А время шло. Привычные для нас домашние вещи понемногу ветшали. На заветной родительской шкатулке начали отслаиваться потускневшие немецкие аппликации, и мои сёстры, не выдержав искушения, в один прекрасный момент взяли да и потянули за наиболее соблазнительно задранный краешек.

Результат превзошёл все ожидания: державным золотом по так и не вылинявшему под фашистскими наклейками кумачу проступили советский герб и надписи: «РСФСР», «Адресная книга ВСЯ РОССИЯ»!

Внешне я, как и полагалось случайному (и нежелательному) свидетелю, был почти безучастен. Но уже имевшиеся в сознании информационные крупницы начинали стремительно преобразовываться в некое подобие политического плаката.

Отчётливо виделось, почти как в цветном художественном диафильме: тупой, бессовестный крохобор в немецкой военной форме выдирает из

переплёт и бросает в огонь чудесную русскую книгу, а затем полевой почтой отправляет её опустевшую обложку своей противной (и обязательно белобрысой!) «фрау» - для совместного с аккуратненькими, прилизанными детьми изготовления «идейно выдержанной» шкатулки. Хорошо ещё, что в Германию потом с боями вошла наша Красная Армия и хотя бы частично восстановила поправленную справедливость!

Шкатулку эту капитан Пушкарёв («батяня комбат»?) подобрал, в качестве военного сувенира, в развалинах города Бреслау, впоследствии возвращённого Польше под историческим наименованием Вроцлава.

До настоящего времени шкатулка, разумеется, не дожидаясь, не выдержав довольно частых в папиной жизни квартирных переездов.

Истлела и раскрошилась изъятая у пленного эсэсовца немецкая топографическая карта. Источилась, чуть ли не до самого обушка, папина трофейная бритва, красиво и непонятно надписанная гравированными готическими буквами. Окончательно истёрлась употребляемая для чистки обуви тонкая тканевая полоска, реликтовый образец американского (ленд-лизовского) шинельного сукна. Но всё ещё цела выдавшая виды офицерская полевая сумка, в которой отец через фронтовые невзгоды и неурядицы пронёс наиболее ценимую и многократно перечитанную им книгу – «Войну и мир» Л.Н. Толстого.

Папа вообще был книголюбом. Именно он положил начало нашей замечательной домашней библиотеке, благодаря которой в семье медицинской сестры и горного инженера отчётливо сформировались и дочери-литературоведы, и сын-историк; все трое - *советского* ещё уровня кандидаты наук.

Впрочем, книги книгами, но семнадцатилетнему «юноше, обдумывающему жизнь», Пушкарёву-младшему после событий 1968 (Чехословакия) и 1969 годов (советско-китайские пограничные инциденты) очень захотелось вдруг поступить в Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище.

Да вот только где ему было, очкарику! Один только рентгеновский снимок позвоночника потянул за собой официальное освобождение от «физического труда, связанного с работой в наклон и поднятием тяжестей». Пришлось поэтому оставить героические мечтания, ещё раз посмотреть культовый для того времени кинофильм «Доживём до понедельника» и смиренно подать документы на исторический факультет Кемеровского государственного педагогического института.

На вступительных экзаменах я набрал максимальное количество баллов – 20 из 20. В качестве своеобразного «искушения святого Антония» стоически выдержал происки прельщавших меня заманчивыми перспективами вербовщиц с филфака и иняза.

Они, бедняги, даже и представить себе не могли, насколько мне надоела обидная (и небезосновательная) репутация «девчачьего пастуха» и до какой степени я уже возмечтал о товариществе с brutальными, только что

демобилизированными из Вооружённых Сил и тоже потянувшимися в историки колоритными персонажами.

Адам, Бахтей, Дед, Егор, Загреб да плюс ещё столько же хороших взрослых ребят, так и не обозначенных студенческими прозвищами... Мужики, ну что бы я без вас делал!

Учились мы как одержимые. В конечном итоге, получив в июне 1973-го свои новенькие учительские дипломы, отнюдь этим не ограничились. Благодаря воспитанной институтом привычке к самообразованию очень неплохо зарекомендовали себя не только в средних учебных заведениях, но и в науке, в общественных организациях, в силовых структурах, в материальном производстве, в частном предпринимательстве – всего и не перечислишь.

Впрочем, стартовый для нашего выпуска 1973/74 учебный год я провёл отнюдь не в учителях, но в солдатах – сам же, в сущности, и напросился, как бы для пополнения необходимого в педагогической профессии жизненного опыта, а на самом деле из соображений сугубо мужского самоутверждения, в духе: «Тварь я дрожащая или...?».

Военно-медицинская комиссия, озабоченная невыполнением плана весеннего призыва, охотно мне подыграла, и 26.06.1973 в Краснознаменном Сибирском военном округе сделалось ещё одним «чайником» больше. Считался, - при близорукости, сколиозе и хроническом бронхите, - «годным к строевой службе».

По тревоге я, рядовой телеграфной роты, на собственном горбу выносил из казармы к подъезжающей из автопарка аппаратной Т38 строгой секретности бронированный сейф с электронной начинкой. Та ещё Голгофа: 110кг, не считая оружия и амуниции.

Чудны дела твои, Господи!

Но – много чего благополучно, а отчасти даже юмористически, перетерпел и через год уволился в запас даже не с одной, а с двумя военно-учётными специальностями: «телеграфист-экспедитор СТА-2М 67Б» и «командир мотострелкового взвода». Всё правильно сделал! Тем более что пристрастие к регулярным физическим нагрузкам, в конце концов, позволило мне существенно укрепить своё когда-то сомнительное здоровье.

Сейчас, в пенсионном возрасте, я содержу во вполне приличном состоянии две дачи и огород, а также за компанию с одними только внуками ежемесячно преодолеваю более 90км пешком и ещё около 7км – вплавь (в бассейне Учебно-спортивного комплекса Бел ГУ).

А ещё у меня в активе 9 археологических экспедиций, 8 строительных и 10 сельскохозяйственных отрядов, при руководстве которыми я никогда не гнушался повседневными обязанностями подчиняемых мне студентов, в чём была, вне всякого сомнения, и своя великая (учительская!) сермяжная правда.

Совместный труд – он ведь сближает? Сближает. А в неформальной обстановке повседневного взаимодействия наставнику случается порой произносить как бы ни к чему не обязывающие, но запоминающиеся фразы, обладающие эффектом отсроченного действия.

В этом смысле меня очень порадовал Андрей Александрович Лопин, по окончании полевой практики 1986-го призванный в Советскую Армию.

После того как нецензурно распекавшие его в ротной канцелярии отцы-командиры окончательно выдохлись, психологически устойчивый новобранец флегматично, раздумчиво-превраздумчиво произнёс: «А вот когда я учился в педагогическом институте, то наш преподаватель Александр Степанович говорил, что интеллигент – это не тот, кто унижает другого человека, но тот, кто помогает ему поверить в собственные силы...».

Воистину, «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется!»

Между тем, первая попытка вхождения в профессию начиналась для меня с неожиданной и весьма досадной неприятности.

Сразу после армии я устраивался на работу в одно из профтехучилищ города Кемерово, в котором, начиная с 1 сентября, мне обещали небольшую почасовую нагрузку и, по совместительству, должность освобождённого секретаря комсомольской организации.

Именно поэтому меня для начала зачислили, - я думал, что формально, - в штат Центрального РК ВЛКСМ. И всё бы ничего, но в один из тёплых августовских дней 1974-го райком комсомола осчастливил меня... денежным авансом! Вот тут-то, наконец, я окончательно понял и прочувствовал постыдную двусмысленность своего нового положения: летние каникулы в самом разгаре, наделяющего меня секретарскими полномочиями отчётно-выборного собрания ещё и в помине не было, а денежки - идут!

Этот по растерянности, бездумно полученный мною аванс я попытался было вернуть обратно в кассу, по причине своего *немедленного* увольнения по собственному желанию. Но – не взяли. Тогда, в смятении чувств, собрал я свой любимый рюкзак, перелетел самолётом местной авиалинии «зелёное море тайги», перешёл вброд через студёную горную реку и - марш-броском до Чёрного плёса, что у слияния Кии и Кожуха, чтобы на добрую неделю обосноваться там под сенью могучего скального выступа.

«Каменный век»... Рыбалка. Купания. Костёр. Дождевые облака, прямо на глазах воспаряющие из каньона. Таёжный чай со смородиновым листом. Звёздное небо. Умиротворяющий шум воды на порожистом перекате. Обеспокоенный моим присутствием медведь над осыпающейся кручей противоположного берега. И – соломоново решение: «В деревню, к тётке, в глушь, в Саратов»!

«Саратовом» сделалась для меня в 1974/75 учебном году Андреевская средняя школа, в стенах которой я и дебютировал преподавателем истории, обществоведения, экономической географии зарубежных стран и начальной военной подготовки. «Тёткой» оказалась семидесятилетняя квартирная хозяйка Анна Петровна.

Своеобразная была женщина. Относилась ко мне со сдержанным, в чём-то даже суровым дружелюбием. Ну, например: «Степанович, покув ты на уроках был, я тут штей наварила. Хочешь, дак ешь». И ещё, сверкнув не по-старушечьи вспыхнувшими глазами: «Ну, уж нет. Покудова я ишшо живая, я не допушшу, чтобы у меня в избе мужчина пол мыл!».

Основным смыслом держания на постое учителей было совместное пользование социальными благами, безвозмездно предоставляемыми государством сельскому педагогу. Школа ежегодно отгружала учителю более чем достаточное количество угля и дров, сельсовет обеспечивал льготу по оплате электроэнергии и, при необходимости, предоставлял для временного, сезонного использования пахотную землю и сенокосные угодья.

Пригородная, удобная, да вдобавок ещё и очень красивая таёжная деревня Андреевка, на мой взгляд, заслуживала того, чтобы прожить в ней целую жизнь, но – не судьба! Областное просвещенческое начальство, внезапно посетившее школу и (без приглашения!) побывавшее у меня на уроке, авторитетно заметило: «Мальчик, конечно, хороший. Но надолго он у вас не задержится. У него - другая дорога».

В декабре 1975-го мне предложили, нежданно-негаданно, занять вакантную должность ассистента кафедры всеобщей истории Кемеровского государственного университета, недавно созданного на базе моей *alma mater* и ещё не вполне укомплектованного кадрами.

Восторженно согласился!

Между тем, нагрузку дали *доцентскую*: лекции и семинары по новой истории стран Европы и Америки, курс новой истории южных и западных славян, руководство дипломниками, а сверх того обязанности куратора группы и заместителя декана по заочному обучению - на общественных началах. Само собой, по молодости лет безропотно участвовал во всевозможных спортивных и общественно-политических мероприятиях, дежурил в общежитии, патрулировал вместе со студентами улицы в составе добровольной народной дружины и каждую осень, в телогрейке и сапогах, надолго и далеко выезжал вместе с ними на уборку совхозного урожая.

Неведомо зачем, в кабинете всеобщей истории отвечал за регулярное обновление стенда «В мире интересного»; иногда, внутренне обмирая от собственной бестактности, по поручению кафедры читал «лекции» в областном Институте усовершенствования учителей.

Впрочем, в массе своей старшие товарищи относились ко мне вполне доброжелательно. При имевшем место жесточайшем ограничении на вступление интеллигенции в ряды КПСС, они *сами* предложили мне написать заявление, дали соответствующие рекомендации и единодушно проголосовали за мою кандидатуру.

Организовали 4-месячное обучение на ФПК (факультете повышения квалификации) при Ленинградском государственном университете. Направили в целевую аспирантуру наиболее престижного в Сибири Томского университета, обучаясь в которой я написал и, с некоторым запозданием, но зато не без блеска защитил кандидатскую диссертацию: «Американская буржуазная историография политики правительства президента В. Вильсона по отношению к Китаю и Японии (1913-1918гг.)».

Да вот только защищался-то я, в ноябре 1985-го, будучи уже старшим преподавателем Белгородского государственного педагогического института,

на досуге сочинявшим не то упадочнические, не то ностальгические стихотворения. В духе:

Сибирь, суровая страна, была на счастье мне дана...

В Сибири горная тайга, в тайге глубокие снега,
Там кедры устремились ввысь, и стережёт добычу рысь;
Там на гвозде висит ружьё, и всё, что видит глаз, – моё:
Всё что вблизи и вдалеке, и даже скалы на реке.
Там под скалой стоит, как тень, в воде не пойманный таймень
И, обдирая сосен медь, там когти пробует медведь...

Сибирь, суровая страна, была на счастье мне дана...
И ты пойми, товарищ мой, как страстно я хочу домой!

Наверное, никогда бы я не уехал со своей величественной малой родины, если бы однажды, в январе 1984-го, на заседании парткома по весьма незначительному поводу коммунист Ю.А. Захаров (ректор) не сказал, тыча указующим перстом, коммунисту А.С. Пушкарёву (ассистенту без степени): «Лично я думаю, что таким как вы вообще не место в Кемеровском университете!».

«Таким как вы»... А разве не я ещё семиклассником именно здесь, в КГПИ, приобщался к повседневной рутине полевой археологии? Разве не я, в интервале между зачислением на исторический факультет и Днём знаний, мостил со своими однокурсниками тротуары через непролазную грязь к педагогическому институту? И разве не я, уже перед самым выпуском, помогал строителям разметать площадку под главный корпус нашего будущего университета?

Ну, не место так не место.

Ребята-сибиряки, уже обосновавшиеся на вновь открытом в БГПИ историческом факультете аспирантские знакомые В.Е. Михайлов и В.Я. Коробенко, с воодушевлением за меня поручились.

Первые белгородские впечатления меня и вдохновляли, и обнадеживали. Безусловно, понравились энергичные, жизнерадостные Ф.П. Тройно (заведующий кафедрой истории СССР) и Е.А. Молев (заведующий секцией всеобщей истории); собранный, внимательный декан Е.В. Дворецкий; интеллигентный, деликатный ректор П.Г. Коняев; умудрённый жизнью, многоопытный проректор по научной работе Е.В. Тонков; памятный, дисциплинированный, обстоятельный начальник отдела кадров В.М. Базаров.

Поселили меня в общежитие, организовали временную регистрацию и поставили хотя и в долгую, растянувшуюся на 18 лет, но благополучно преодоленную мною квартирную очередь.

Жену, Ольгу Васильевну, приняли на работу преподавателем кафедры иностранных языков. Её родителей, в 1993г. вынужденно переселившихся в

Белгород из охваченной войною Абхазии, тоже и приютили, и трудоустроили.

Так что имеются у меня более чем достаточные основания к тому, чтобы упомянуть добрым словом белгородских ректоров П.Г. Коняева, Л.Е. Шапошникова, Н.И. Прохорова, Н.В. Камышанченко, Л.Я. Дятченко.

Кроме того, я пользуюсь случаем, чтобы выразить искреннюю признательность бывшему проректору по АХР В.С. Чеботарёву, а также работавшим председателями профсоюзного комитета Ю.Н. Питинову и В.В. Сокореву, неизменно проявлявшим участливое отношение ко всем моим, осложнённым, жизненным обстоятельствам.

Незабываемыми остаются и впечатления от археологических экспедиций 1985, 1986, 1989, 1990 (А.Г. Дьяченко) и 2003 (В.А. Сарапулкин) годов, в которых я, как правило, выполнял обязанности заместителя начальника по хозяйственной и воспитательной работе.

Ситуации, порой, возникали весьма курьёзные.

В июле 1985-го мы делали археологическую экспертизу территории, отводимой под строительство оросительной системы в Лозовском районе Харьковской области. Размещались в палатках на просторной поляне посреди села Перемога и, конечно же, дружески общались с покладистыми, добродушными местными жителями.

Но вот однажды у лагерного костра незванным гостем объявился ранее никем из нас не виданный, источающий запах одеколонного перегара, небритый, неопрятный субъект. Обратился напрямую ко мне:

- Ты, что ли, здесь самый главный?
- Допустим. Можно сказать и так.
- Начальник, тогда я к тебе. А вот выдай-ка ты мне ну хоть одну какую-нибудь девочку. Желательно вон ту, Халю!

Девочки, само собой, обомлели. Да и я, честно сказать, тоже несколько растерялся. И не то, чтобы не было соответствующего опыта. На люмпенизированных окраинах больших городов случалось, иногда, прибегать и к физической, и к психологической ответной агрессии: артистически нащупываешь, например, в кармане шероховатую рукоять *несуществующего* ножа и, конкретно, нацеливаешься в чей-нибудь живот, зловещим шепотком выплёвывая кипящую словесную грязь.

Но ведь не при студентах же!

Поневоле пришлось втягиваться в долгие и нудные интеллигентские увещевания. С грехом пополам, почти теряя самообладание и с трудом отводя взгляд от заманчиво ухватистого топора, только что воткнутого мною в чурбак, вытеснил я новоявленного Казанову со своей территории.

Стрельнул, будучи некурящим, сигаретку, затянулся от уголька и, для психологической разрядки, озвучил старую студенческую шутку: «Как говаривал великий кормчий председатель Мао Цзэдун, сидя у костра и прикуривая от спички, социализма не построишь...». Но в глубине души при

этом обречённо угадывалось, что, к сожалению, «ещё не вечер» и что «продолжение следует».

Вскоре из этого двусмысленного, межеумочного состояния меня вывели застенчиво улыбающиеся Игорь Лихачёв и Олег Оводенко.

- Александр Степанович, тут Вам давеча какой-то хмырь на нервы действовал, ну так Вы забудьте. Больше он не придёт. *Він зараз поблизу будинку культури у бур'яну без пам'яті лежать.*

- Как так, «без памяти»? Почему - «без памяти»?!

- Шёл, споткнулся...

В дальнейшем выяснилось, что Олег (кстати сказать, родной внук всеми уважаемого доцента филологического факультета Владимира Петровича Оводенко) являлся кандидатом в мастера спорта по дзюдо, а Игорь (и это многое объясняет) происходил из испокон веков известного своими удалыми головушками города Валуйки.

А сексуально озабоченного нового знакомого мы и впрямь никогда больше не видели.

Другая история. Летом 2003-го вблизи села Мандрово (Валуйский район) археологическая экспедиция НИУ «Бел ГУ» исследовала могильник салтово-маяцкой культуры и наши студенты тоже, время от времени, весьма неожиданно меня удивляли.

Прежде других обращал на себя внимание типичнейший отпрыск «новых русских» Лёша Б., удостоенный мною эпиграммы-загадки: «На вид не Рэмбо и не Роки, зато имеет джип чероки!». Была у него пренеприятная манера с самой вершины холма, к подножию которого прилепилась моя командирская палатка, беззастенчиво орать в свой сотовый телефон: «Сплошной бардак! Работа тяжёлая!! Кормят - помоями!!!».

Трудновато было ему, горемычному, без мамок и нянек. На раскопе уже через часок-другой обнаруживались симптомы солнечного удара, а то и «сердечной недостаточности». Поставишь на кухню – он вдруг обругает хлопчущих у плиты однокурсниц и исчезнет неведомо куда до самого вечера. Зачастую даже и к обеду не выходил, предпочитая борщу какую-нибудь магазинную сухомятку.

Я никогда и ничего ему не выговаривал. Терпеливо пытался прививать вкус к шанцевому и плотницкому инструменту, сочувственно с ним разговаривал на отвлечённые темы, хвалил за действительно хорошую вратарскую игру во время послеобеденных футбольных баталий. А однажды как бы спонтанно, по-отечески снизошёл: «Лёш, за неделю ты уже многое повидал и даже кое-чему научился, но ведь всё это тебе – не к душе? Не к душе. Ну и езжай себе спокойно домой. А зачёт за практику я тебе и так поставлю».

Уехал. Что называется, «баба с возу»... И ещё: «С глаз долой – из сердца вон!» Но – не тут-то было.

Дня через три явился на папиной служебной машине и, - с эффектной, нарочитой небрежностью, - брякнул оземь ящиком с мясными консервами, специально закупленными им для общего котла. Решил, всё-таки, что не стоит отрываться от коллектива.

Молодец! Уважаю.

Ещё более волнующими стали для меня неожиданно возродившиеся в новом тысячелетии (и ещё смолоду любимые мною!) студенческие строительные отряды.

В 2000 – 2002 гг. мне, наряду с товарищами по работе, такими же 50-летними А.М. Игнатовым и В.Е. Михайловым, довелось руководить факультетскими стройотрядами, занятыми на возведении нового учебно-административного корпуса и МКЦ на Левобережье, «профессорского» дома по улице Чапаева-13, реконструкции старинного гимназического здания на Преображенской (Коммунистической) – 78.

На моём счету именно этих, белгородских, отрядов было пять: в ноябре 2000-го, в феврале и в июне/июле 2001-го, в июле и в августе 2002-го.

Прошёл я этот нежданный жизненный этап вполне достойно, хотя и несколько экстравагантно. От учебной нагрузки на стройотрядовские периоды меня на факультете временно освобождали, за счёт тактического манёвра в расписании. В свою очередь, я оформлялся вместе со студентами разнорабочим в ту или иную подрядную организацию и добросовестно «шуршал» в общей цепочке на погрузочно-разгрузочных и бетонных работах, даже иногда и стропальщиком под сенью высоченного башенного крана, имевшего у строителей уважительное наименование «Боинг». При этом на мне лежала ответственность за поддержание трудовой дисциплины и соблюдение техники безопасности, за учёт выходов и невыходов на работу, о чём я ежедневно докладывал из штабного вагончика по служебному прорабскому телефону в деканат.

Мальчишкам, с учётом их обострённого молодого самолюбия, я старался внешним воздействием излишне не докучать, полагаясь на спонтанные проявления русского артельного начала, то есть на самодисциплину и самоорганизацию.

Надо признать, такая ненавязчивая манера то ли руководства, то ли взаимовыгодного сосуществования себя вполне оправдывала.

Кадровые рабочие меня одобряли и, порой, дружески подшучивали: «Слышь, а ты что, тоже *студент*? Нет? Доцент, говоришь? Ну, твоё счастье, что не профессор. Был бы ты профессор, так мы бы тебе эти носилки с верхом, через край навалили!». Или, наблюдая за нечаянными проявлениями технологической находчивости: «Вот что значит у человека - *высшее образование!*».

Что же касается студентов, то в большинстве случаев они тоже правильно меня понимали и, по возможности, старались не подводить своего старшего товарища.

Однажды, по-товарищески присутствуя на студенческой вечеринке, посвящённой дню 8 Марта, я выступил (не судите строго) со стихотворным экспромтом:

НА СТРОЙКЕ

Суровой чередой веков
Страна рождала мужиков:

В труде, в беде отнюдь не слабы
Те были мужики (и бабы).

А ныне глянь: один «playboy»,
Другой и вовсе... «голубой»,
И в эгоизме все равны,
И нет им дела до страны.

Вот казино. А вот помойка.
Но вот и корпус-новостройка!

Там стройотрядовцы-бойцы
(Такие, право, молодцы!):
И всё в руках у них горит,
И бравый у мальчишек вид...

Девчонки, есть, кого любить,
А коли так, России – быть!!

Не исключено, что этими (оптимистическими?) виршами я самого себя, как мог, утешал и уговаривал. Как бы в ответ на почти забывшиеся уже, но всё ещё не утратившие актуальности строки Юрия Шевчука: «Что же будет с Родиной и с нами?».

А вот ведь в самом начале моего белгородского периода подобных вопросов просто не возникало. Конкурсы на истфак бывали по 12 человек на место. Контингент – лучше не придумашь. Нынешний высший эшелон управления НИУ «БелГУ» и профессорско-преподавательский состав историко-филологического факультета во многом представлены нашими выпускниками того ещё, легендарного, пединститутского времени.

Патриоты были – несомненные. Когда 30 декабря 1987-го, в честь 65-й годовщины образования СССР, факультет физической культуры организовал легкоатлетический пробег Белгород – Прохоровка, то на старте с удивлением обнаружили и радостно узнали друг друга и трое добровольцев-историков. Это были преподаватель и двое студентов: А.С. Пушкарёв, А. Заика и В. Мерзликин. И если меня, грешного, личным примером сагитировал доцент кафедры спортивных дисциплин Миша (*Михаил Петрович*, конечно же!) Спирин, то ребята – всё сами. Как сами же они потом сделали и суровый, ответственный выбор, определившись на офицерскую службу в силовые структуры МВД и КГБ.

Полную дистанцию (33км) пробежали, разумеется, далеко не все. Где уж нам до мастера спорта, многоопытного марафонца Игоря Петровича Коновалова, стартовавшего и финишировавшего в одних лишь кроссовках и трусиках, даже без головного убора! Но свои 10км, до самого верха долгого-предолгого подъёма из седловины, что за посёлком Северный, я всё-таки одолел – за компанию с по-борцовски мощным и бесконечно добродушным Василием Васильевичем Кудряшовым. Там нас и подобрал институтский автобус, сидя в котором мы угощались крепко заваренным, восхитительно горячим и сладким чаем из большого армейского термоса.

Ребята-историки пробежали 15км. Ребята-спортсмены продержались значительно дольше. Но эйфорию от физической нагрузки на свежем морозном воздухе, от непринуждённого общения с жизнерадостными здоровыми людьми испытывали все. К тому же, в Прохоровке нас ждал прекрасный безалкогольный обед, заранее заказанный и оплаченный профсоюзным комитетом БГПИ.

А ещё мы массово участвовали в ежегодных институтских спартакиадах, в шахматных турнирах, в сдаче норм военно-спортивного комплекса ГТО (Готов к труду и обороне), да и так просто любили выбраться на лыжную прогулку или во время обеденного перерыва поиграть в спортивном комплексе «Буревестник» в волейбол.

Капитаном волейбольной команды преподавателей и сотрудников исторического факультета был начинающий уже с возрастом немножечко подсыхать, но всё ещё очень подвижный и хорошо координированный ветеран Великой Отечественной войны Фёдор Петрович Тройно.

У соперников особенно выделялся могучий и вездесущий Владимир Александрович Перистый, всё время требовавший от партнёров незамедлительного точного паса громоподобными возгласами: «Я здесь!!!».

Частенько производил неотразимые атакующие удары, ставил плотные блоки и очень хорошо подавал. И сейчас ещё играет. Так что неудивительно, при таком-то темпераменте, что во втором десятилетии XXI века Владимир Александрович является европейски известным учёным-химиком, удостоенным международной премии и медали имени Лейбница.

А преподаватели факультета физической культуры?

Когда я прихожу с внуками в плавательный бассейн, то всякий раз с лёгкой учительской завистью наблюдаю за высокопрофессиональной работой их тренеров - Владимира Вячеславовича Дрогомерецкого и Андрея Александровича Третьякова.

И – никогда не изгладится из памяти поездка на университетскую базу отдыха в Туапсе, когда в августе 2007-го моим соседом по комнате оказался Отличник народного просвещения, Заслуженный работник физической культуры и спорта РФ, Почётный доцент НИУ «Бел ГУ» Василий Петрович Жуйков.

Ежедневно совершая по три дальних морских заплыва и изощряясь в стрельбе из пневматического оружия, в меру попивая красное сухое вино, мы о многом успевали доверительно побеседовать и обнаружили друг в

друге совершенно одинаковые мечтания: в интересах России необходимо срочно возродить незаслуженно забытое, но в недалёком прошлом исключительно массовое многоборье ГТО. И ведь как в воду глядели! В настоящее время, на практике, нашим могущественным единомышленником проявился не кто-нибудь, но *президент Российской Федерации*, Верховный главнокомандующий Вооружёнными Силами В.В. Путин.

Кстати, о своеобразии менталитета: профессиональные спортсмены, в порядке малопонятной самоиронии, оперируют порой ими же и придуманным мифом о некоторой своей «простоватости». Вот уж напрасно! Отсутствие вздорных интеллигентских амбиций с лихвой компенсируется свойственным им талантом общения, организаторскими способностями, жизнелюбием и здравомыслием. Тот же Спирин, когда я, в контексте разговора о спортивных травмах, упомянул однажды о своём перебитом носе и о надорванных связках голеностопного сустава, отреагировал мгновенно и афористически: «Ну, так твоё счастье. Это означает, что ты – жил!».

Золотые слова...

От жизни ни в коем случае не следует прятаться – даже и в «башню из слоновой кости». Как определил ещё в 1950г. президент Американской исторической ассоциации К. Рид, «тотальная война, горячая или холодная, мобилизует всех и требует, чтобы каждый выполнял свою роль. Историк должен выполнять это обязательство не в меньшей мере, чем физик».

Вот потому-то мне с самого начала решительно не понравились расплывчатые и ни к чему не обязывающие горбачёвские декларации, в духе: «Процесс пошёл...» и «Подули свежие ветры перемен!».

Я же ведь ещё и в школьные времена, когда только-только начиналась бесконечная череда наших помпезных государственных юбилеев, донимал отца вопросами – а не лучше ли было бы в год 50-летия Великого Октября, вместо официальных торжеств, взять да и произвести, в интересах всего общества, партийную чистку?

- Чистку, говоришь? Да тут уже не чистка, тут – репрессии, репрессии нужны!

С учётом того, что в смысле репрессий папа и сам, в честно прожитой им жизни, дважды чуть было «под раздачу» не попал, во взвешенности тогдашних его убеждений можно не сомневаться.

Было у него, потом и кровью оплаченное, моральное право ненавидеть подспудно и опасливо мечтавших, как потом выяснилось, о «*при(х)ватизации*» бюрократов и карьеристов – в особенности не нюхавших порошу (мамино определение) «пузанов», имевших обыкновение на партийно-хозяйственных активах истошно кричать на бывших боевых офицеров: «Ты! эти свои фронтовые замашки!! – брось!!!».

Я, находясь под обаянием личности человека, в партбилете которого временем вступления в ВКП (б) значился февраль 1942-го, а местом вступления – Западный фронт, в качестве комсорга средней школы № 24 (Рудничный район города Кемерово) попытался провести комсомольское

собрание на тему: «Революция – продолжается!». Но классная руководительница, в прошлом незадачливая чиновница, а затем завуч по воспитательной работе, моего «левацкого» начинания не поддержала. Как следствие, я вскоре отказался от секретарства и сделался, своего рода, бунтарём-одиночкой, чему немало способствовало ознакомление с повестью Джерома Дэвида Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Тоже ведь немало и лицемерия, и равнодушия было вокруг каждого из нас в застойную брежневскую эпоху.

В силу здорового юношеского максимализма не только в благопристойно тихих читальных залах, но и в вульгарно гогочущих подворотнях предугадывалось: *«Пацаны, ну надо же что-то делать!»*. Мальчишки самоопределялись, мучительно решая для себя вопросы: кем быть и каким быть? При этом брать пример с самодовольных, преуспевающих, физиологично «умеющих жить», не по возрасту раздобревших дядек и тёток нам как-то не очень хотелось.

На вечерах художественной самодеятельности я нередко читал стихи советских авторов первой половины XX века, отдавая явное предпочтение Борису Корнилову. Пристально всматриваясь в зрительный зал, наполненный, - это смутновато угадывалось, - и будущими подвижниками, и будущими конформистами, декламировал:

«Так выходят на бой.
За плечами – знамёна,
сабель чистое, синее
полукольцо.
Так выходят,
кто знает врагов
поимённо...
Поимённо –
не то чтобы только в лицо».

Далеко не формальным было и моё выступление в апреле 1969-го во Дворце пионеров, на городском конкурсе чтецов произведений о Ленине, партии, Родине. За литературно-художественную композицию «Ленин и Горький слушают музыку» заняли мы, с аккомпанировавшей мне девочкой-пианисткой из параллельного класса Таней Котовой, призовое 1 место.

Ну, а на выпускном экзамене по русскому языку и литературе я выбрал для сочинения свободную тему «Готовься к великой цели, а слава тебя найдёт!» и построил своё, взволнованное, повествование на не предусмотренной программой трилогии Юрия Германа: «Дело, которому ты служишь». «Дорогой мой человек». «Я отвечаю за всё».

Такая вот, своеобразная, «карма» сформировалась на рубеже моего совершеннолетия. Карму же, как водится, надо отрабатывать. И не в традициях семьи, не в соответствии с полученным воспитанием было бы излишне доверяться лукаво заговорившим вдруг на «народном» языке партийным функционерам Горбачёву и Ельцину.

«Гром – не из тучи»!

Особенно укрепился я в этом своём убеждении в феврале-мае 1989г., находясь на ФПК при Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина.

Разместили нас в общежитии на улице Усачёва (метро «Спортивная»), то есть в непосредственной близости от Лужников, где многотысячные митинги регулярно собирал тогдашний «властитель дум» и «борец с партийными привилегиями» Б.Н. Ельцин. Мы тоже частенько туда заглядывали, являясь безмолвными, насмешливыми свидетелями чиновничьего популизма и «всенародного энтузиазма».

Столь же недоверчиво мы, скромные преподаватели провинциальных пединститутов, относились к синдрому «разрешённой смелости» со стороны столичных «светил», упивающихся «инакомыслием» на проводимых ими учебных занятиях.

Очень не понравился нам, помнится, профессор В.А. Тишков – этнолог, историк и социальный антрополог, впоследствии поднявшийся до уровня академика РАН и министра по делам национальностей у президента РФ Бориса Ельцина.

Говорил он с нами о «мозаичном» характере якобы разобщённого и невежественного русского народа, которому для успешного завершения «перестройки» жизненно необходима внешняя помощь – со стороны столь любимого им «цивилизованного» Запада.

Никто из внешне почтительных к профессорским регалиям слушателей ФПК ни словом единым не возразил, ни даже в лице не изменился. Но вечером следующего дня в одной из комнат общежития мы отмечали День Советской Армии и Военно-Морского флота и я, конечно же, после второй чарки весьма энергично высказался: «Перестройка? Да вот была ведь уже у зайчика избушка лубяная, а у лисы ледяная! *Эти* нам «перестроят»! Они нам отведут, как папе Карло, каморку под лестницей!».

А в Международный женский день, всё в том же сообществе, добавил, да ещё и в стихах:

В конце «тоталитарной эры»
Вдруг зарычали бэтээры;
Перекрывая злобный мат,
Бьют пулемёт и автомат:
Хотя не наша в том вина,
Идёт гражданская война.
И только лишь жена и мать
Нас не пускают воевать.

Коснись, однако, их разбой –
Мы непременно примем бой!

Каких-либо сомнений или возражений не последовало. Неофициально был назначен, для всей честной компании, «поэтом». А вот в качестве офицера запаса, в качестве стрелка-автоматчика, стабильно выполняющего

упражнение № 3 с расходом 7 патронов вместо 12, я так до сих пор никому и не понадобился.

Но, тем не менее, с политической демагогией бесчестной, ренегатством от КПСС запятнанной «элиты» я никогда не смогу и не захочу примириться.

В активный период своей доцентской жизни я, как правило, входил в лекционную аудиторию, воодушевляясь сентенцией Т.Н. Грановского: «Всеобщая история более, чем какая-либо другая наука, развивает в нас верное чувство действительности».

На войне как на войне. Вдохновенно импровизировал на верхнем пределе своих умственных (и энергетических) возможностей, обеспечивая при изучении программного материала междисциплинарный подход, связь с жизнью и связь с современностью. Старался соответствовать спонтанно посещающим меня стихотворным строкам:

Почему с утра уже свет горит на этаже?
Для чего там толчея? И чего ищу там я?

- Дверь возможность отворить, два часа поговорить
И об этом, и о том
(о заветном, о - святом)...

Были б, мы, на что похожи без пытливей молодежи?
Где бы мыслили мы вслух, чем поддерживали дух?

Жизни главные моменты – там, где мы и где студенты!

Вот, правда, за докторскую диссертацию (при наличии некоторого к ней задела) я так и не взялся. Из 80 имеющихся у меня публикаций специальности «Историография, источниковедение и методы научного исследования» соответствует не более 40, из которых собственно к *американистике* имеет отношение только 18. Всё остальное – это учебно-методические материалы и историческая публицистика.

Да вот только стоит ли обо всём этом сожалеть? В трудные времена русскому человеку должно всё-таки руководствоваться не своекорыстными мелочными расчётами, но - *страстями*, в духе воздушно-десантного «Никто кроме нас!».

Ради обеспечения не одним только своим студентам, но и другим равнодушным людям «верного чувства действительности» и в «лихие 90-е», и в неоднозначные «нулевые» годы много чего написал я для прессы и произнёс (когда в записи, а когда и в прямом эфире) на радио и телевидении.

26 декабря 1998 года опубликовал в газете «Советская Россия» полемическую статью «На всякого Бонапарта есть своё Бородино», направленную против попыток подвизавшегося на Центральном телевидении Эдварда Радзинского оправдать и даже слегка романтизировать бонапартизм в качестве компромиссного варианта, «приемлемого» для преодоления страной системного кризиса.

В журнале «Наш современник» (2001 год, № 6) опубликовал статью, направленную против русофобии: ««Вы грозны на словах – попробуйте на деле!» (А.С. Пушкин как выразитель русского общественного мнения о польском восстании 1830-1831 гг.)».

В «Белгородской правде» от 28 декабря 2002г. вместе с А.И. Молчановым, Е.В. Новиковым, А.М. Игнатовым, С.Д. Лебедевым и А.И. Ярцевым непримиримо оспаривал либеральный тезис о «естественности» и «неизбежности» распада СССР – опубликованный нами материал называется «Союз, который мы потеряли». На основе этого материала, при помощи и с участием Евгения Фёдоровича Дубравного, был затем проведён и отнят на камеру соответствующий «Круглый стол», запись которого дважды показывалась ГТРК «Белгород» в лучшее эфирное время.

В 2003г. в журнале «Молодая гвардия» (№ 5-6) выступил со статьёй «Встаньте в заслон!», направленной против завсегдатаев радиостанции «Свобода», антикоммунистически и русофобски настроенных профессоров А. Зубова и С. Неклюдова. В первоначальном, авторском, замысле было: ««Пьявда» о войне или ещё раз о фальсификации истории», но редакция, по видимому, сочла это название, построенное мною на фонетическом передразнивании, недостаточно корректным.

Ощутимо отметилса и у наших украинских товарищей: Пушкарёв А.С. «Незручный» юбилей? (Размышления по поводу 350-летия воссоединения Украины с Россией)//Красное Знамя. Газета коммунистов Харьковской области. – 1 апреля 2004. - № 13; Пушкарёв А.С. «Постой-ка, брат мусью!»: Встречный бой г-ну В.В. Познеру//Там же. – 22 и 29 апреля 2004. - №№ 16-17.

«Брат мусью» и вечно поддакивающий ему писатель Виктор Ерофеев заслуженно получили от меня нелицеприятную отповедь за свои телевизионные выпады против В.И. Ленина, глумливо приуроченные к 80-летию со дня его смерти.

Я, надо сказать, был заблаговременно подготовлен к этой публикации, поскольку в качестве своеобразной тематической «разминки» уже успешно попробовал свои силы в прямом эфире Белгородского радио.

На этот эфир, состоявшийся 21 января 2004 года, меня опрометчиво пригласила какая-то легкомысленная дамочка, вознамерившаяся склонить университетского доцента к публичному разговору о России как о «женщине с прошлым», неосмотрительно «согрешившей» однажды с РСДРП (б) и лично с товарищем Лениным.

Дамочка, да Вы что? Я же ведь с 1969 по 1973 год был несменяемым старостой спецсеминара по углубленному изучению истории КПСС, я же ведь ленинские сочинения почти полностью прочитал, у меня же ведь ещё на 1 курсе темой *дебютного* реферата было: «Письма В.И. Ленина периода сибирской ссылки как подготовительные материалы для написания работы «Что делать?»»!

Невеликодушным, конечно, 21.01.2004 выглядело моё поведение... Такой игривый, такой пикантный замысел пришлось разрушать! Но

«висевшие» на редакционном телефоне белгородские радиослушатели меня полностью поддерживали, и я счёл себя обязанным предпочесть проявления неуместной в данном случае «толерантности» гораздо более мне свойственный, жёсткий и нетерпимый профессионализм. Не дал товарища Ленина в обиду!

Что же касается русско-украинских отношений первой половины XVII века, то 12 февраля 2005 года я вновь обратился к этой проблеме, напечатав в «Белгородской правде» большую статью под названием «Вы с нами одное православные христианские веры».

Были и ещё полемические по характеру, не для всех приемлемые, в идейном смысле, публикации. Например: Пушкарёв А.С. Октябрь 1917-го: «Великие потрясения»...?//Звонница. Белгородский общественно-политический и литературно-художественный журнал. – 2008, № 10; Александр Пушкарёв. «Не таким мозглякам, как вы, тягаться со мной...»: Джек Лондон (1876-1916) – за справедливость, демократию и социализм!//Наш современник. – 2014, № 11.

Этот хвастливый («Старый Мазай разболтался в сарае...») перечень я мог бы, пожалуй, и продолжить, да вот не хочется как-то слишком уж утомлять своего предположительного читателя. Тем более что (из песни слова не выкинешь!) в университете воспринимают меня весьма неоднозначно, о чём свидетельствуют диаметрально противоположные по характеру, анонимные интернетовские отзывы о моей научно-педагогической деятельности - под рубрикой «Профессор рейтинг».

30 лет и 3 месяца проработал я в стенах БГПИ – БГПУ – Бел ГУ – НИУ «Бел ГУ» на своём любимом историческом факультете. По совместительству преподавал, некоторое время, в Педагогическом лицее и в школе-гимназии № 2. Входил в состав жюри нескольких областных ученических конкурсов и олимпиад по истории. Участвовал в многочисленных конференциях. Выступал с лекциями и беседами как на централизованных белгородских, так и на выездных (Валуйки, Грайворон, Ивня, Короча) курсах повышения квалификации учителей. Обзавёлся друзьями и единомышленниками. Нажил (а частично и пережил) врагов и недоброжелателей. Написал, в плохую минуту, грустновато-наивное четверостишие:

ПАМЯТИ ДОН КИХОТА

В который раз, подняв помятое забрало,
Я в поводу веду усталого коня,
И вновь недобрым смехом разобрало
Людей, не любящих меня!

Но это ведь всё нормально? Нормально. Следовательно, в общем и целом, жизнь моя как бы вроде и удалась.

Спасибо тебе, Белгород!

30.05.2016